

Сергей Романенко

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РФ: ВЫБОР ЦЕННОСТЕЙ И ПУТЕЙ

Внешняя политика независимой Российской Федерации, официально начавшаяся в декабре 1991 года, то есть после распада СССР и окончательного крушения коммунистической системы, по прошествии 15 лет выглядит достаточно противоречиво.

УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

С одной стороны, в 1990-е годы у России появились реальная возможность преодолеть наследие прошлого, накопившееся со второй половины XIX века, и выработать новый перспективный стратегический курс — именно этого требовали изменившиеся реалии. Однако, с другой стороны, в стране, обществе, государстве, а также на уровне отдельных личностей, принимавших (или не принимавших) решения, сохранялась сильная социально-политическая инерция прошлого. В результате необходимого поворота сделано не было: новая концепция внешней политики посткоммунистической России, направленная на вхождение в мировое сообщество демократических стран, так и не состоялась. Внешняя политика, принимаемая в жертву внутривнутриполитической борьбе, носила в основном «реактивный» и запаздывающий характер. Эти общие недостатки проявлялись в действиях Москвы на протяжении всех десяти последующих лет, в частности, в действиях по урегулированию конфликтов в бывшей Югославии — одной из ключевых проблем мировой политики и взаимоотношений России с США и странами Западной Европы.

Распад СССР объективно означал для русского народа известную утрату своего положения в международном сообществе. Русские в одночасье оказались без государства, которое считали своим, с новыми, трудно воспринимаемыми границами, без традиционных союзников и партнеров, лицом к лицу с новыми национальными государствами других народов, которые не забыли обид, нанесенных им в недалеком прошлом. Все это не могло не породить чувства оскорбленности, униженности, национального поражения, одиночества, чувства угрозы национальному существованию. Чтобы преодолеть сложившиеся психологические комплексы и идейные стереоти-

пы, необходимо было новое мировоззрение и мироощущение, новые концепции национальных интересов и национальной безопасности.

Перед Россией встала задача обретения нового самоопределения, осознания своих новых и реальных национальных интересов и возможностей в условиях утраты старых и поиска новых союзников на новых основах в новом мире. С другой стороны, над значительной частью российской правящей элиты довели и по сей день довлеют традиции и идейно-психологическая инерция, которые тянут к объективно невозможной ныне политике прошлого. Некоторые авторы рассматривают «самоопределение» как элемент психологического процесса «адаптации России и россиян к новым условиям», который еще далеко не завершен.

Весь комплекс зачастую взаимоисключающих взглядов и концепций, составляющих современное общественное (историческое, политическое, этническое и конфессиональное) сознание суть отражение переходного состояния России: более половины опрошенных респондентов продолжают считать Россию сверхдержавой и ощущают потребность в новой идеологии, а политическая элита демонстрирует образцы проективности, типичные для прошлого. Однако, несмотря на угрозу традиционному месту России в международных отношениях, как бы ни было ущемлено национальное чувство русских, общество абсолютно не готово платить ценою крови за восполнение геополитических потерь.

ПОСТИМПЕРСКОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО

Распад СССР и его последствия привели к краху социального и национального сознания граждан России и в особенности русских. Наше сознание, утратив социальную и государственную составляющие, оказалось деформированным. В нем нарушено соотношение форм и функций. Причем особая тяжесть выпала на долю национального исторического сознания, часто воспринимаемого только как этноисторическое. Оно, во-первых, деформировано предыдущим развитием Российского, а затем и Советского государства. Во-вторых, по своей природе и сути историческое сознание не может выполнять функции идеологии.

После распада социальной системы и единого государства в нынешнем массовом сознании россиян пока господствуют мифы, предрассудки, этнические стереотипы, иллюзии — в политике это ведет к погоне за миражами. Не смогло быстро освободиться от наследия прошлого профессиональное политическое и научное сознание. Очень часто приходится сталкиваться с исторически некорректными схемами, «моделями», историческими параллелями и аналогиями, упрощенно понимаемой «циклическостью», пришедшей на смену «формационной теории». На смену «марксизму-ленинизму» с его претензиями на универсальность приходят поиски новых «отмычек», годных решать «все проблемы всех времен и всех народов». Широко распространились такие приемы, как перенос в социальные и гуманитарные науки логики, понятий, методов и приемов из естественных и технических наук.

Характерное для представителей либерального и демократического лагерей в политике отрицание этнонационализма зачастую ведет к этническому нигилизму — непризнанию объективного существования этнических общностей как особого типа общностей и особых, отличных от социальных, законов их развития. Широкое распространение получил «этнический нигилизм», рассматриваемый как альтернатива этническому национализму — представление о том, что этнические процессы не имеют собственной логики возникновения и развития, и что экономическое развитие само собой устранил межэтническую напряженность. Имеет место абсолютизация этнических процессов, основанная на представлении о неизменности как внутренней сущности и характера этноса, так и его интересов. Что, как видно на опыте Югославии, да и на российском тоже, ведет к отказу от демократии и конфликтам. Этнический и национальный нигилизм тесно соседствует с либеральным империализмом.

Часть ученых, экспертов и политиков склонна к «инструментализированному» восприятию национализма и далеко не всегда обоснованным и оправданным сопоставлениям, когда за деревьями обобщений не видно леса национальных, региональных и исторических особенностей. Кроме того, не оправдывает себя «перенос» западноевропейских или американских концепций, возникших в совершенно иных условиях и государствах, базирующихся на ином опыте, иных традициях — на СССР и Россию, на СФРЮ и СРЮ, — федеративные, многонациональные, полиэтничные и поликонфессиональные государства.

В результате вместо реального знания возникли и продолжают возникать новые наукообразные мифы, которые через средства массовой информации широко распространяются в российском обществе, лишая его рациональной и реалистической оценки своего места, интересов и возможностей на новом этапе развития процесса национального самоопределения. Все эти мифы и стереотипы, сложившиеся в нашем не только научном, но и общественном сознании, к сожалению, в значительной степени легли в основу оценки международных событий нынешним российским политическим истеблишментом. К ним добавились многочисленные предрассудки и стереотипы, доставшиеся в наследство от Российской империи и СССР, а также ныне модные общие политологические и социологические схемы и исторические аналогии, которые, как показывает практика, часто оказываются очень далекими от конкретной исторической и политической реальности.

«СЛАВЯНСКИЙ МИФ» И САМООПРЕДЕЛЕНИЕ РОССИИ

Как показала история, «славянское братство», «славянский союз» не более чем идеологические фантомы. Общность идейно-политических позиций и конфессиональная близость не могут предотвратить столкновения интересов одностипных государств, каждое из которых претендует на роль лидера. Тем более, когда одна, доминирующая в регионе сила требует беспрекос-

ловного подчинения всех своих союзников. Так было в отношениях СССР и Югославии времен Сталина и Тито. Куда более кровавый «внутрицивилизационный конфликт» вызвала политика Милошевича в отношении своих соседей по бывшей СФРЮ. Ни конфессиональная близость, ни этническое родство, ни идеология коммунистического интернационализма в таких условиях не способны обеспечить не то что единство — даже понимание и разумный диалог. История советско-югославских и российско-постюгославских отношений показывает несостоятельность различных вариантов теории «конфликта цивилизаций», будь то «по Данилевскому» или «по Хантингтону», которые, скорее, годятся для преподавания облегченного курса Popular History в колледже для коммивояжеров. По меньшей мере, очевидно, что «внутрицивилизационные конфликты» носят отнюдь не менее ожесточенный характер, чем «межцивилизационные». Этнические и конфессиональные различия — далеко не единственные причины политических и экономических конфликтов.

Наше историческое сознание психологически оказалось не готовым принять, переварить и рационально осмыслить поступающий материал, содержащий негативную информацию о нашем прошлом. В результате произошло неизбежное отторжение реальности, на сцену вышла масса полуграмотных людей, начавших через средства массовой информации распространять в обществе собственные предрассудки и страхи, навязывать другим людям свое невежество, с гордостью демонстрируя темные стороны своего сознания. Мы никогда не знали и по сию пору не знаем общества, в котором живем. Следовательно, мы живем в закрытом обществе, не только вовне, но и изнутри — закрытом для нас самих. Согласно опубликованным данным, манипуляции историческим сознанием продолжаются. В этом смысле мы не только не ушли от закрытого общества, но использование этого приема свидетельствует о его возрождении.

Отсутствие самой постановки такого вопроса свидетельствует об искаженном восприятии этнических процессов русским сознанием в принципе. Негативизм в отношении этнических процессов широко распространен и в научном, и в обыденном сознании. Эти процессы часто рассматриваются либо как детерминированные экономикой, либо — как результат заговора и интриг. Тем самым отрицается объективная данность этнических общностей и протекающих в них с течением времени процессов. Широко распространен миф, увязывающий межэтнические конфликты с низким уровнем жизни. Сам естественный процесс национального самоопределения рассматривается с точки зрения экономической целесообразности. Однако этнические процессы имеют свои законы и динамику, далеко не всегда совпадающие с законами и динамикой экономического развития, часто им даже противоречащие. Увы, «славянский союз» не укладывается в сегодняшнюю реальность нациестроительства и развития межнациональных отношений в Восточной Европе.

Меж тем, со второй половины 1990-х годов наблюдается парадоксальная картина: в процессе модернизации и в какой-то степени для ее обоснова-

ния возрождается по сути или используется по форме этноплеменное и конфессиональное сознание, свойственное глубоко традиционному обществу. Более того, возвращение сознания в прошлое используется в качестве одного из рычагов развития в экономике. «Этнонациональная модель» экономики — обоснование места России на мировом рынке, национализм (этнический или государственный) в данном случае отражает требования нового социума, этноса и государства на мировом рынке и в мировом политическом сообществе. В момент, когда необходимо сотрудничество с другими государствами и народами, возрождается конфронтационный, конфликтный тип сознания, который служит обоснованием реинтеграционных процессов. При этом часто происходит совершенно неоправданное отождествление племени и этноса с цивилизационной, конфессиональной и политической общностями. Это прямо ведет к требованию совпадения государственных границ с этно-цивилизационными, что, в свою очередь, рассматривается как обретение «справедливости». Опыт бесславного крушения «славянского союза» СФРЮ показывает всю бесперспективность данного подхода и может послужить уроком для остальных государств восточноевропейского региона.

ПОРА НАУЧИТЬСЯ ИГРАТЬ

Беда отечественной экспертной мысли состоит в том, что она в значительной мере не опережает массовое обыденное сознание, а ориентируется на него и воспроизводит его вслед за политическими лидерами, которые ради популярности играют на далеких от реальности, но массовых стереотипах, страхах, необъяснимых привязанностях и предрассудках. Путешествуя по замкнутому кругу, общество и государство теряют ориентацию во времени и пространстве, теша себя устаревшими и далекими от современности идеями и моделями, которые используются не для просвещения, а для манипулирования сознанием.

Политические аналитики особенно тесно связаны с той или иной политической силой — и неважно, властной или оппозиционной. Оценки их ограничены жесткими рамками, но не столько идеологическими, сколько политическими. Они говорят то, что от них хотят услышать. А политики хотят слышать лишь то, что, по их мнению, совпадает с настроениями и интересами (хотя это — отнюдь не одно и то же) «большинства народа» и что должно привести к быстрому успеху.

Совершенно непродуктивными представляются попытки втиснуть историю и политику в весьма произвольные геометрические фигуры с якобы неизменным внутренним (этническим, конфессиональным или «цивилизационным») содержанием. Попытки превратить геополитику в некую «фундаментальную гуманитарную науку» (видимо, вместо «марксизма-ленинизма») также обречены на провал, тем более что геополитические «построения» не выдерживают минимального соприкосновения даже с элементарным знанием реальной истории. К примеру, империя изображается как некий

наднациональный институт, альтернативный национализму—центральные органы власти и нация, составляющая большинство, якобы лишены национализма, который присущ только национальным меньшинствам. Однако в реальности империя и есть инкубатор этнического национализма. Причем не только меньшинств и неполноправных наций, но и самой «государствообразующей» нации.

Непродуктивно и переписывание устаревших проектов социально-го переустройства, которые четыре раза в XX столетии привели государства к катастрофе—Россию в 1917 и СССР в 1991, а также Германию в 1918 и 1945 годах. Устарел и известный подход, который сводит историю к географии, и согласно которому якобы неизменные по духу народы обладают неизменными интересами и действуют в неизменных географических границах. Независимо от политических пристрастий, игнорируя несопоставимость исторических эпох, авторы смело сравнивают Римскую и Австро-Венгерскую империи с современными США.

Сравнительный анализ, или компаративистика, очень интересный и эффективный в науке, в политике—довольно рискованный прием. Недаром политики и дипломаты других стран, в которых происходят затяжные межэтнические конфликты, избегают подобных сопоставлений, не в последнюю очередь именно для того, чтобы избежать вмешательства во внутренние дела. В политике сразу возникает вопрос, с какой целью используются сопоставления? Ведут ли они к действительному уяснению общественным мнением и политическим классом сути происходящего или используются лишь для внутри- и внешнеполитической пропаганды? Немаловажны и другие вопросы: насколько корректны и обоснованы эти сопоставления? Что является предметом сравнения—конкретные ситуации, процессы или стадии развития в той или иной стране, а также в каком контексте—историческом, этнологическом, правовом и т. д.—происходит сопоставление?

Представители российского политического класса и политологического сообщества используют этот прием преимущественно в целях пропаганды и, надо сказать, далеко не всегда удачно. Отечественные аналитики сравнивают исключительно конкретную политическую ситуацию в России с ситуацией в других странах в политическом, правовом и этническом контексте для дополнительного обоснования отечественной внутренней политики. Происходит методологическая ошибка—сравнение не может служить доказательством. При этом, как правило, сравнивающий не является специалистом ни по одной из сравниваемых стран, и вместо объяснения и прояснения ситуации, аналогии приводят к дезориентации общественного мнения и людей, принимающих решения. Кроме того, зачастую происходит и вовсе недопустимая вещь: внешнеполитическая информация в упаковке деления мира на «наших» и «не наших» и проецирование различных межэтнических и межконфессиональных конфликтов на российскую действительность фактически служит пропаганде этнического национализма внутри России.

Ныне широко распространено сопоставление ситуации в Косово с ситуацией в Приднестровье и на Кавказе. Однако раньше мы наблюдали попыт-

ки отождествить, например, ситуацию в Боснии и Герцеговине и ситуацию в Крыму, чеченскую проблему в России с проблемой албанцев в Македонии и т.д. Несмотря на внешнюю эффектность и относительную оправданность, такие попытки ошибочны и некорректны не только по самой сути, но и в политическом плане. Они не только не усилили позиции России на Балканах, но и привели на основе тех же самых аналогий к более острой критике политики России со стороны зарубежных политиков и политических аналитиков. Поэтому попытки выработать некий универсальный «ключ» или универсальный принцип решения всех однотипных на первый взгляд конфликтов и проблем обречены на неудачу. Причина этого в том, что игнорируются местные особенности этнической структуры, традиции межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений и закономерности этноисторического развития народов каждого конкретного государства или региона. На первый план выносятся правовые, экономические или социологические схемы и модели, а реальные причины возникновения того или иного конфликта, его развития и особенности сознательно игнорируются как несущественные. В результате уходит понимание того, что каждый из этих конфликтов, входящий, например, в «дугу нестабильности», имеет свои неповторимые особенности, и разрешен он будет тоже в своеобразных формах и на особых правовых и политических основаниях

Глобальные обобщения и параллели — упрощенный путь, который, уже не первый раз ставил Россию, мягко говоря, в невыгодное положение. Опасное заблуждение — видеть первопричину событий на Балканах прежде всего не в противоречиях между балканскими народами и их государствами, а исключительно во внешних «заговорах». В первую очередь, со стороны США. Однако именно такой взгляд на события в государствах СНГ и Восточной Европы как на результат политики НАТО, США и Запад разделяют и политики и политологи, относящие себя к разным политическим течениям. Они же путают себя и других журналистской метафорой «цветные революции».

К неудачам, как тактическим, так и стратегическим, в Центральной и Юго-Восточной Европе отечественную политику приводит как раз тот факт, что государства этого региона не обрели самоценности в российском политическом сознании. Отечественным политикам необходимо понять, что лидеры даже славянских стран, в том числе и «братской» Сербии, проводят политику в соответствии со своими собственными политическими интересами, а вовсе не с интересами России. Нам необходимо перестать искать себе «вечных союзников» в среде маргиналов-популистов, заявляющих о «вечной дружбе» с Россией, для публики — во имя «славянского братства», на деле — для сохранения своей власти.

Изменить негативную для России ситуацию можно, только проводя политику подлинного прагматизма, не имеющего ничего общего ни с романтизмом, грозящим неисчислимыми конфликтами в поисках недостижимой «справедливости», ни с примитивным практицизмом, видящим только сиюминутную выгоду. России необходим свой стратегический курс и по отно-

шению к независимым государствам СНГ, и по отношению к государствам Средней и Юго-Восточной Европы. Но для этого не годятся ни абстрактные идеи русских мыслителей XIX—начала XX веков, независимо от их направленности, ни упрощенные глобальные схемы современных политологов, ни механическое перенесение ситуации из прошлого в настоящее, ни поиск универсальных принципов. Образно говоря, нам надо перестать пытаться решать алгебраические задачи четырьмя действиями арифметики, а проблемы высшей математики — алгебраическими уравнениями, и «играть» в геополитику, как плохие шахматисты — «он туда, я — сюда». Да и история — это не сборник ответов к задачкам современной политологии, политтехнологии и политики.